

Когда Гу Янь проснулся вновь, он чувствовал себя на редкость спокойно — ни следа от обычной для пост-цикла разбитости.

Хотя медикаменты и помогают альфам проходить через фазы гипер чувствительности и всплесков, всё равно в течение месяца находились дни, когда раздражение зашкаливало. Для Гу Яня, который и без того почти всё время находился в этом состоянии, нынешний покой был чем-то из разряда редких чудес.

Он посмотрел на часы — прошло уже семь дней. Но всё, что происходило за это время, в его голове оставалось смутной дымкой.

Помнилось только: он и Сюй Сяочжэнь... семь дней, почти без остановки. Только сон, душ и питательные капсулы. Иногда его накрывало приступом ревности, и он допрашивал Сюй Сяочжэня, любит ли тот Шэнь Ле. А Сюй Сяочжэнь, заплаканный, только повторял: "Хватит, пожалуйста..."

Если в прошлый раз они занимались этим семь дней благодаря течке омеги, то на этот раз — это был уже исключительно сбой самого Гу Яня. Да, альфы в чувствительный период становятся более навязчивыми, но чтобы вот так... не отпускать человека ни на секунду, будто намерен срастись с ним — это уже перебор.

Некоторые учёные считают, что в фазах гипер чувствительности альф проявляет свою истинную суть — то, что обычно прячется под маской. Если это так, то под маской Гу Яня скрывается... ревнивец, эгоист, прилипала и мастер устраивать сцены.

Собственно, ничего неожиданного. Он и в обычной жизни такой.

Гу Янь поднялся с постели, накинул халат и прошёлся по дому. Вокруг — хаос. Воздух густо пропитан феромонами и сладким запахом фруктов.

На диване — клочья одежды, засохшие пятна жидкости, еле заметные следы крови.

У него екнуло сердце. Что здесь произошло? Память не помогала — только плач Сюй Сяочжэня звенел в ушах.

— Сюй Сяочжэнь! СЮЙ СЯОЧЖЭНЬ!! — закричал он, бегая по комнатам, открывая двери, заглядывая повсюду. Нашёл его телефон — попытался дозвониться.

Сюй Сяочжэнь в это время съёжился под кроватью, сжав голову руками, молясь, чтобы Гу Яню не пришлось в голову заглянуть вниз.

Голое тело прижималось к горячему полу, и казалось, что кожа вот-вот треснет — так пекло. Боль простреливала каждый след укуса.

Под кроватью терялось ощущение времени. Сюй Сяочжэнь лежал в полусне, глядя в тени полога. Он не знал, сколько прошло, пока голоса не стало слышно. Похоже, Гу Янь вышел из дома.

Он почувствовал, что силы понемногу возвращаются. Медленно, осторожно начал выбираться из-под кровати.

Но тут перед ним легла тень — и Сюй Сяочжэнь вздрогнул всем телом. Он не осмелился поднять глаза. В этом доме кроме него и ещё одного человека никого нет...

Не раздумывая, он снова юркнул под кровать, не обращая внимания на боль.

Гу Янь заметил следы. С усмешкой остался стоять у края кровати — как хищник, поджидающий жертву. Он знал, Сюй Сяочжэнь забился туда от страха. Перестарался, испугал, ну ничего... Обнимет, успокоит — и всё снова станет как раньше. Он же знает, какой тот трусишка.

Но в этот раз что-то пошло не так. Он замер, увидев Сюй Сяочжэня — и не успел схватить его. Тот снова исчез под кроватью.

Гу Янь остался стоять. Он и представить не мог, что довёл его до такого состояния.

На белоснежной, хрупкой коже Сюй Сяочжэня — сплошные алые следы укусов. Даже на лице — рваная линия отметин. Некоторые — настолько глубокие, что уже запеклись корочками. Тело похоже на сплошную рану.

А его взгляд... тот ужас, который промелькнул, когда он увидел Гу Яня — пронзил его.

Даже когда Сюй Сяочжэнь снова исчез из виду, этот взгляд не отпускал.

Гу Янь присел на корточки. Горло сдавило. Ему едва удалось выдавить слова — не было ни ярости, ни привычного давления в голосе:

— Сяочжэнь... выходи, пожалуйста...

— Моя фаза закончилась... Я уже... всё.

Он не хотел. Он действительно не хотел доводить всё до такого. Он вернулся не за этим.

Просто боялся, что Сюй Сяочжэня может увести этот лис — Шэнь Ле...

Прошло слишком много времени с его последней фазой, он даже не сразу понял, что всё совпало. Он думал, будет как в прошлый раз. А оказалось...

— Сяочжэнь...

Прости.

Но эти слова — они будто в горле застряли. Как будто сам воздух отравлен.

Для человека вроде Гу Яня, признать вину — это рухнуть с пьедестала. "Прости" — как чёрная метка. Скажи один раз — и весь тщательно выстроенный фасад рассыплется. Его холодная гордость, привилегия быть выше всех — исчезнет. Он больше не будет полубогом. Он станет обычным человеком.

А он к такому не готов.

Быть альфой вроде Гу Яня — значит жить в мире, где всё вращается вокруг тебя, как планеты вокруг солнца. Всеобщая любовь, привилегии, статус. Но с этим приходит и другое — невидимые оковы на сердце и язык. Каждое слово, каждый жест — тщательно отфильтрованы, чтобы не потерять лицо, не уронить достоинство имперского элиты. Даже случайная мысль, что нарушает приличия, должна вызывать стыд.

Гу Янь сжал кулаки. И всё, на что он сподобился — это опустить голову и сказать:

— Я вызову тебе врача.

— НЕ НАДО!! УХОДИ!!! — сорвался срывающимся голосом крик Сюй Сяочжэня.

Он не хотел никого видеть. Спрятал лицо в локтевой изгиб, позвоночник выгнулся, будто худые кости пронзили кожу изнутри.

Пусть он — всего лишь бета восемнадцатого ранга, пусть кто-то считает его сломанным омегой — у него есть гордость. Он не позволит врачу видеть себя в таком виде.

Что он теперь? Даже не человек. Просто какой-то использованный, выжатый до последней капли секс-манекен.

Он знал: альфа в фазе гипер чувствительности может терять контроль. Иногда потом даже не помнят, что творили. Но ведь *до* этой фазы у Гу Яня было время. Время, когда он был в

сознании. Он ничего не сделал, не остановился. Он знал, что грядёт.

И он говорил это Сюй Сяочжэню. Словами. Разве альфа в горячке может настолько ясно осознавать своё состояние?

И даже если он действительно не контролировал себя — разве это освобождает его от ответственности? От извинений?

Кем он был для него, если даже "прости" — не положено?

Сюй Сяочжэнь и сам уже не знал, кем он был для Гу Яня. настолько неважен, что даже не заслуживает извинения?

Гу Янь чувствовал, что тот на грани. Он кивнул:

— Хорошо.

Потом пошёл на кухню, принес что-то перекусить и протянул под кровать. Услышал, как Сюй Сяочжэнь шуршит упаковкой, ест.

Он сел на пол, скрестив ноги. Растерянно смотрел в никуда.

Что сказать? Он не знал. Раньше всё шло само собой — Сюй Сяочжэнь сам искал темы, сам хотел говорить, сам цеплялся за разговор, надеясь сблизиться.

А теперь... Гу Янь вдруг понял: он даже не знает, что тот любит. Как его утешить? Что подарить? Что сказать?

Цветы? Вроде бы... Сюй Сяочжэнь говорил, что любит цветы.

Гу Янь связался с цветочным магазином, где его секретарь обычно заказывал цветы для дома, и потребовал срочную доставку — тысячу ландышей.

Деньги. Наверное, Сюй Сяочжэнь любит деньги. Иначе зачем было бы так упорно собирать всякий хлам, говорить, что хочет накопить побольше? Он сам это признавал — раньше.

Пережив столько всего, даже в отчаянной обиде Сюй Сяочжэнь сохранял каплю разума. Это не было для него крахом. Боль — да, обида — да, но не предельное разрушение. Такое, наверное, случится, только если Гу Янь или Шэнь Ле умрут у него на глазах. Только тогда он снова испытает ту настоящую, рвущую душу тоску, когда больше не хочется жить.

Он уже семь дней не появлялся в университете. К счастью, почти все в их вузе — альфы и омеги, с нестабильными железами. Поэтому там действует единое послабление: до пятнадцати пропусков в год без последствий.

Сюй Сяочжэнь заглатывал второй булочку, когда вдруг испугался: рука Гу Яня просунулась под кровать и положила карту. Сквозь полог доносился его голос — как из другого мира:

— Здесь тридцать миллионов. Тебе.

Слёзы моментально залили хлеб.

Он хотел бы сейчас швырнуть этой булкой в голову Гу Яню. Выбить у него сердце через горло — просто посмотреть, какое оно у него на самом деле.

Он думал, Гу Янь просто не принимает его всерьёз. Не может даже извиниться. А теперь... теперь вот: переспал — и дал денег.

Он что, думает, что всё можно замять пачкой денег? Что, независимо от того, что он сделал, стоит сунуть карточку — и всё, вопрос закрыт?

Но Сюй Сяочжэнь слишком ценил еду. Даже хлеб с пола он поднимал. Он не хотел ссориться. Он всё равно не сможет его победить. Булка заняла рот, заглушила рыдания. Они остались беззвучными.

Он уже сам не знал, сколько ещё сможет тянуть эту связь. И сколько ещё времени потребуется, чтобы снова уговорить себя продолжать любить Гу Яня.

Сюй Сяочжэнь быстро доел третью булочку, вытер слёзы, медленно стянул полог кровати под себя, закутался в него — и выбрался с другой стороны, подальше от Гу Яня. Закрылся в ванной и, наконец, принял душ.

Гу Янь решил, что Сюй Сяочжэнь вышел из ванной благодаря тем самым тридцати миллионам. Облегчённо вздохнул: раз так легко простил — значит, всё-таки любит. Значит, в сердце его по-прежнему есть место.

Он подошёл к двери ванной:

— Тебе одежду принести?

Сюй Сяочжэнь промолчал.

Спустя пару минут тот вышел — весь закутанный, словно в кокон. Только глаза видны. Вошёл в гардеробную, переоделся, надел маску. От ушей до пят — ни сантиметра кожи.

Гу Янь с удивлением спросил:

— Уже поздно. Куда ты собрался?

Голос Сюй Сяочжэня был хриплым, глаза опухшие:

— У меня вечерняя лекция. Утреннюю перенесли на вечер.

Такие занятия редко бывают важными. Гу Янь чуть не рассмеялся. Протянул руку к его сумке:

— Не ходи. В таком состоянии — тебе нужно отдыхать.

Сюй Сяочжэнь упрямо вырвал сумку:

— Пойду.

Когда дело касалось учёбы, Гу Янь не знал никого упорнее. Значит — пойдёт. Он машинально взял его за руку. Но Сюй Сяочжэнь вздрогнул и резко отпрянул.

Гу Янь сжал губы, не обиделся:

— Я тебя отвезу. Если станет плохо — скажешь, уедешь раньше. Во сколько закончишь — приеду заберу.

Но Сюй Сяочжэнь сейчас только и думал, как бы вырваться из-под одного неба с ним. Помахал рукой и, прихрамывая, вышел из дома.

Гу Янь захотел проявить заботу — и не отпустил. Сюй Сяочжэнь сдался, сел в машину. Сказал, что болит всё, поэтому хочет полежать — устроился на заднем сиденье.

Но как только они добрались до места, он выскочил — ни намёка на боль. Гу Янь даже не успел ничего сказать, как тот исчез в здании, словно спасался бегством.

<http://bllate.org/book/14462/1279165>